

«ЧЕЛОВЕК СТАРЕЕТ НЕ ТОГДА, КОГДА ДОЖИВАЕТ ДО СТАРОСТИ, А КОГДА ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ РЕБЁНКОМ»

Валентин Распутин

Родился 15 марта 1937 года в селе Усть-Уда Восточно-Сибирской (ныне Иркутской) области в крестьянской семье. Мать — Нина Ивановна Распутина, отец — Григорий Никитич Распутин. С двух лет жил в деревне Атанке Усть-Удинского района, которая, как и старая Усть-Уда, впоследствии попала в зону затопления после строительства Братской ГЭС. Окончив местную начальную школу, вынужден был один уехать за пятьдесят километров от дома, где находилась средняя школа (об этом периоде впоследствии будет создан знаменитый рассказ «Уроки французского», 1973). После школы поступил на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В студенческие годы стал внештатным корреспондентом молодежной газеты. Один из его очерков обратил на себя внимание редактора. Позже этот очерк под заголовком «Я забыл спросить у Лёшки» был опубликован в альманахе «Ангара» (1961).

В 1979 году вошёл в редакционную коллегию книжной серии «Литературные памятники Сибири» Восточно-Сибирского книжного издательства. В 1980-х годах был членом редакционной коллегии журнала «Роман-газета».

В 1994 году выступил инициатором создания Всероссийского фестиваля «Дни русской духовности и культуры „Сияние России“» (Иркутск).

Жил и работал в Иркутске, Красноярске и Москве.

В 1996 году был одним из инициаторов открытия Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы в г. Иркутске.

В Иркутске Распутин содействовал изданию православно-патриотической газеты «Литературный Иркутск», входил в совет литературного журнала «Сибирь».

9 июля 2006 года в результате авиакатастрофы, произошедшей в аэропорту Иркутска, погибла дочь писателя, 35-летняя Мария Распутина, музыкант-органист.

1 мая 2012 года в возрасте 72 лет умерла жена писателя, Светлана Ивановна Распутина.

13 марта 2015 года Валентин Григорьевич был госпитализирован, находился в коме. Умер 14 марта 2015 года, за 4 часа до своего 78-летия (по иркутскому времени было уже 15 марта, поэтому земляки писателя считают, что он скончался в день рождения).

16 марта 2015 года в Иркутской области был объявлен траур.

19 марта 2015 года прошли похороны писателя в Знаменском монастыре в Иркутске.

40 лет первого издания книги В.Г. РАСПУТИНА «Прощание с Матёрой»

Валентин Григорьевич Распутин (15 марта 1937, село Усть-Уда, Восточно-Сибирская область — 14 марта 2015, Москва) — выдающийся русский писатель, публицист, общественный деятель. Представитель «деревенской прозы».

Прощание с Матёрой

И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матёры, для острова и деревни, носящих одно название. Опять с грохотом и страстью пронесло лёд, нагромоздив на берега торосы, и Ангара освобожденно открылась, вытянувшись в могучую сверкающую течь. Опять на верхнем мысу бойко зашумела вода, скатываясь по реке на две стороны; опять запылала по земле и деревьям зелень, пролились первые дожди, прилетели стрижи и ласточки и любовно к жизни заквакали по вечерам в болотце проснувшиеся лягушки. Всё это бывало много раз, и много раз Матёра была внутри происходящих в природе перемен, не отставая и не забегая вперед каждого дня. Вот и теперь посадили огороды - да не все: три семьи снялись ещё с осени, разбежались по разным городам, а ещё три семьи вышли из деревни и того раньше, в первые же годы, когда стало ясно, что слухи верные. Как всегда, посеяли хлеба - да не на всех полях: за рекой пашню не трогали, а только здесь, на острове, где поближе. И картошку, моркошку в огородах тыкали нынче не в одни сроки, а как пришлось, кто когда смог: многие жили теперь на два дома, между которыми добрых пятнадцать километров водой и горой, и разрывались пополам. Та Матёра и не та: постройки стоят на месте, только одну избёнку да баню разобрали на дрова, все пока в жизни, в действии, по-прежнему голосят петухи, режут коровы, трезвонят собаки, а уж повяла деревня, видно, что повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода. Всё на месте, да не всё так: гуще и нахальней полезла крапива, мёртво застыли окна в опустевших избах, и растворились ворота во дворы - их для порядка закрывали, но какая-то нечистая сила снова и снова открывала, чтоб сильнее сквозило, скрипело да хлопало; покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски - поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним. Во многих избах было не белено, не прибрано и ополовинено, что-то уже увезено в новое жильё, обнажив угрюмые пошарпанные углы, и что-то оставлено для нужды, потому что и сюда ещё наезжать, и здесь колупаться. А постоянно оставались теперь в Матёре только старики и старухи, они смотрели за огородом и домом, ходили за скотиной, возились с ребятами, сохраняя во всём жилой дух и оберегая деревню от излишнего запустения. По вечерам они сходились вместе, негромко разговаривали - и всё об одном, о том, что будет, часто и тяжело вздыхали, опасливо поглядывая в сторону правого берега за Ангару, где строился большой новый посёлок. Слухи оттуда доходили разные.

Тот первый мужик, который триста с лишним лет назад надумал поселиться на острове, был человек зоркий и выгадливый, верно рассудивший, что лучше той земли ему не сыскать. Остров растянулся на пять с лишним вёрст и не узенькой лентой, а утюгом, - было где разместиться и пашне, и лесу, и болотцу с лягушкой, а с нижней стороны за мелкой кривой протокой к Матёре близко подчалывал другой остров, который называли то Подмогой, то Подногой. Подмога - понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь, а почему Поднога - ни одна душа бы не объяснила, а теперь не объяснит и по давню. Вывалил споткнувшийся чей-то язык, и пошло, а языку, известно, чем чудней, тем милей. В этой истории есть ещё одно неизвестно откуда взявшееся имечко - Богодул, так прозвали прилудшего из чужих краев старика, выго-

варивая слово это на хохлацкий манер как Бохгодул. Но тут хоть можно догадываться, с чего началось прозвище. Старик, который выдавал себя за поляка, любил русский мат, и, видно, кто-то из приезжих грамотных людей, послушав его, сказал в сердцах: богохул, а деревенские то ли не разобрали, то ли нарочно подвернули язык и переделали в богодула. Так или не так было, в точности сказать нельзя, но подсказка такая напрашивается.

Деревня на своем веку повидала всякое. Мимо неё поднимались в древности вверх по Ангаре бородатые казаки ставить Иркутский острог; подворачивали к ней на ночевку торговые люди, снующие в ту и другую сторону; везли по воде арестантов и, завидев прямо по носу обжитой берег, тоже подгребали к нему: разжигали костры, варили уху из выловленной тут же рыбы; два полных дня грохотал здесь бой между колчаковцами, занявшими остров, и партизанами, которые шли в лодках на приступ с обоих берегов. От колчаковцев остался в Матёре срубленный ими на верхнем краю у голомыски барак, в котором в последние годы по красным летам, когда тепло, жил, как таракан, Богодул. Знала деревня наводнения, когда пол-острова уходило под воду, а над Подмогой - она была положе и ровней - и вовсе крутило жуткие воронки, знала пожары, голод, разбой.

Была в деревне своя церквушка, как и положено, на высоком чистом месте, хорошо видная издали с той и другой протоки; церквушку эту в колхозную пору приспособили под склад. Правда, службу за неимением батюшки она потеряла ещё раньше, но крест на возгавии оставался, и старухи по утрам слали ему поклоны. Потом и крест сбили. Была мельница на верхней носовой проточке, специально будто для неё и прорытой, с помолом хоть и некорыстным, да незаёмным, на свой хлебушко хватало. В последние годы дважды на неделе садился на старой поскотине самолёт, и в город ли, в район народ приучился летать по воздуху.

Вот так худо-бедно и жила деревня, держась своего места на яру у левого берега, встречая и провожая годы, как воду, по которой сносились с другими оселениями и возле которой извечно кормились. И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне: уходили на погост одни, нарождались другие, заваливались старые постройки, рубились новые. Так и жила деревня, переменяя любые времена и напасти, триста с лишним годов, за кои на верхнем мысу намыло, поди, с полверсты земли, пока не грянул однажды слух, что дальше деревне не живать, не бывать. Ниже по Ангаре строят плотину для лектростанции, вода по реке и речкам поднимется и разольётся, затопит ноги земли и в том числе в первую очередь, конечно, Матёру. Если даже поставить друг на дружку пять таких островов, все равно затопит с макушкой, и места потом не показать, где там силились люди. Придётся переезжать. Непросто было поверить, что так оно и будет на самом деле, что край света, которым пугали тёмный народ, теперь для деревни действительно близок. Через год после первых слухов приехала на катере оценочная комиссия, стала определять износ построек и назначать за них деньги. Сомневаться больше в судьбе Матёры не приходилось, она дотягивала последние годы. Где-то на правом берегу строился уже новый посёлок для совхоза, в который сводили все ближние и даже не ближние колхозы, а старые деревни решено было, чтобы не возиться с хламьём, пустить под огонь.

Но теперь оставалось последнее лето: осенью поднимется вода...

